

МАККА АЛБОГАЧИЕВА

Тебя любя, себя творю: из опыта суфийских практик ингушских женщин

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-491-522>

Makka Albogachieva

Loving You, I Create Myself: From the Experience of Sufi Practices of Ingush Women

Makka Albogachieva — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). albmam@mail.ru

The article examines the religious practices of Ingush women who are adherents of the Kunta-Khadji Kishiev, a Chechen sheikh of the Kadiri tariqat. The focus of attention is the Kadiri ritual of loud rejoicing (zikr jahr) practiced by Ingush women since the late 19th century. This zikr is practiced by the female adherents of the sheikh in Chechnya, Dagestan and Georgia. The article deals with Ingush practices only: a comparative analysis would require more field research due to the lack of published works on this topic. The description of zikr practices represents the forms of spiritual life of Ingush women. The historical circumstances of when and why women were given the chance to participate in the loud zikr are shown, as well as the motives driving women, their age and social composition. The paper also examines how the practices were changing across times and how political processes influenced women's religious activity. The article addresses a wider meaning of the loud zikr in the society as a whole. The author concludes that the recent re-Islamization affected the age and composition of female participants in Sufi practices and makes a sort of disappointing prediction: if the current negative attitude towards female religious practices does not change, it is possible that they will cease to exist in the coming years.

Keywords: woman, Ingush, Sufi, tariqa, murid, zikr, ritual, rites.

Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках НИР МАЭ РАН «Многообразие культурного наследия и этническая история народов исламского мира (историко-этнографические, музейные и архивные источники)» (рук. Е. А. Резван).

Введение

В ДАННОЙ статье пойдет речь о женских практиках громкого зикра кадирийского тариката. Зикр (араб. поминание) — исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей имя Аллаха. Зикр являлся частью медитативной практики суфизма, одним из направлений в исламе. Суфийская практика зикра вводит индивида в особое состояние, которое достигается с помощью произнесения молитв и особых техник дыхания, а в некоторых братствах — телодвижений и исполнения религиозных песнопений. Тема суфизма достаточно дискуссионна и порождает много споров внутри мусульманской уммы, так как современные исламские радикалы прибегают к искусственному разграничению ислама и суфизма, преследуя цель полностью отделить суфизм, даже представить его враждебным исламу¹. Ответы на многие спорные вопросы суфизма можно получить в работах зарубежных и отечественных исследователей, которые с разных позиций рассматривают ислам. Это труды А. Арберри, А. Корбена, У. Читтика, О.Ф. Акимушкина, А.К. Аликберова А.Д. Кныша, С.М. Прозорова, А.А. Хисматулина и др.²

Вместе с тем существует огромный пробел в вопросе изучения региональных форм суфизма, особенно этнографических описаний, касающихся женских ритуальных практик, существующих на Кавказе. Во многом это связано с тем, что мистический опыт женщин сокрыт от посторонних глаз в отличие от мужского зикра, который можно наблюдать во время похорон и поминок адептов

1. Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009. С. 17.
2. Arberry, A. J. (1970) *Sufism: An Account of the Mystics of Islam*. New York: Evanston: Harper & Row; Corbin, H. (1969) *Creative Imagination in the Sufism of Ibn 'Arabi*. Princeton University Press; Chittick, W. C. (1998) *The Self-Disclosure of God (Principles of Ibn al-Arabi's Cosmology)*. Albany: State University of New York Press; Акимушкин О.Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем // Введение к рус. изд. кн.: Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989; Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII века) / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2003; Кныш А.Д. Суфизм // Социальное партнерство. М.: Большая российская энциклопедия, 2016; Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит. РАН, 2004; Хисматулин А.А. Суфизм. СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2003; Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция); Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. М.: Наука. Глав. редакция восточной лит., 1987; Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. М.: Наука. Глав. редакция восточной лит., 1990.

шейхов кадирийских братств. Приватность встреч и нежелание женщин открывать перед посторонними людьми свой духовный опыт также влияли на отсутствие сведений о них. Эти уникальные ритуалы женщин, практикующих зикр, были отмечены лишь в работах исследователей ислама на Кавказе — В.Х. Акаева³, М.С.-Г. Албогачиевой⁴, Л.М. Гарсаева⁵, Х.-А.М. Гарасаева⁶, Мутиевой⁷ и др. Имеющиеся в указанных публикациях сведения о практиках зикра были в данной статье дополнены новыми полевыми материалами, собранными в Республике Ингушетии и Пригородном районе Республики Северной Осетии — Алании в течение последних двенадцати лет. Каждое полевое исследование дает новые материалы, позволяющие более полно осветить различные аспекты изучаемой темы. Так, в результате полевых исследований, проведенных в 2020–2022 гг., удалось собрать новые сведения о ритуальной практике громкого зикра, дополняющие ранее опубликованные материалы, касающиеся дресс-кода, атрибутики участниц, помещения для зикра, основных мест паломничества и др.⁸ Эмоционально насыщенные интервью женщин-суфиев отражают состояние, которое они испытывают во время ритуала громкого зикра. Подробное описание указанных практик позволяет фиксировать различные детали исследуемого явления, которые обнаруживаются при каждом новом сборе материала. Сам ритуал и все, что связано с этими практиками, постепенно

3. Акаев В.Х. Шейх Кунта-хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 1. С. 95–108; Акаев В.Х. Шейх Кунта-хаджи: Жизнь и учение. Грозный: НИИ гуманитарных наук ЧР, 1994.
4. См., например: Албогачиева М.С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 2. С. 149–164.
5. Гарсаев Л.М. Роль и место вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи — Чечня (некоторые аспекты) // Рефлексия. 2012. № 2–6. С. 7–9.
6. Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А.М. К вопросу о роли и месте вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-хаджи — Чечня (некоторые аспекты) // Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект. Материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 24–25 июня 2022 года. Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 34–39.
7. Мутиева О.С. Религиозные практики женщин в мусульманских общинах Северного Кавказа: история и современность // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. Вып. 3. С. 7–14.
8. Албогачиева М.С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. С. 149–164.

изживается из жизни местного общества. Поэтому важно — для понимания смысла культурных явлений и детализации феномена ислама на территории Ингушетии — описать исчезающие религиозные практики, зафиксировать их в современном виде, сохранить и передать информацию для будущих исследователей.

Материал и методы

Исследование проводилось с использованием метода интервьюирования (52 человека) и анкетирования (12 человек). Выбор респондентов для интервью на начальном этапе осуществлялся с использованием метода «снежного кома» — во многом это объясняется закрытостью женских религиозных групп и деликатностью вопросов, связанных с их конфессиональной принадлежностью. С помощью знакомых я находила женщин, практикующих зикр, и через них получала возможность общаться с их единомышленницами. На начальном этапе сбора материала интервью были индивидуальными. В основном были опрошены женщины 18–85 лет, ингушской и чеченской национальности. Нужно отметить, что многие информанты преклонного возраста не желали говорить на диктофон или видеокамеру, просили не делать записей в тетради, когда вопросы касались личной жизни или субъективного восприятия некоторых неисламских норм. Позже, когда число моих знакомых увеличилось и между нами возникли доверительные отношения, женщины стали приглашать меня на свои встречи, где появилась возможность проводить коллективные интервью, что позволило получить за более короткий срок достаточно много необходимых сведений о женских практиках зикра. Более доверительному общению способствовал метод включенного наблюдения. Благодаря знанию языка, местных обычаев и традиций, норм этикета я оставалась «своей» для окружающих и фиксировала бытующие в настоящее время обряды, ритуалы и местные религиозные практики, а также сама принимала участие в ритуале громкого зикра. Часть женщин просила их не фотографировать и не записывать их личные данные. Они не боятся критики, но не хотят быть объектом обсуждения в социальных сетях, если о них будут сведения в публикациях или интервью. Поэтому некоторые информанты зашифрованы.

Для детальной фиксации материала я использовала описательный метод, который позволил ввести в научный оборот материалы, касающиеся женских практик, процесса подготовки

и проведения зикра, который скрыт от глаз внешнего наблюдателя. Материалы многих интервью, вызывающие сомнения, перепроверялись и по возможности дополнялись с помощью других источников.

Основная часть

Ингуши мусульмане-сунниты в догматике придерживаются школы имама Абу-Альхасана Аль-Ашари (873–941), а в праве — школы имама Мухаммеда ибн-Идрис Аш-Шафии (767–820). Ингуши являются приверженцами двух суфийских тарикатов — накшбандийа и кадирийа, которые имеют деление на религиозные братства. Ингуши — приверженцы кадирийского тариката практикуют громкий зикр (инг.: *чехк зикар*), сопровождая движение по кругу произнесением молитвенной формулы, содержащей прославление Аллаха. Местные накшбандийа практикуют тихий зикр (инг.: *шорт зикар*). Представители обоих тарикатов убеждены, что обе формы зикра не противоречат Корану, где сказано: «Не произноси громко своей молитвы, но и не шепчи ее, а следуй по пути между этим» (сура 17, аят 110).

Ингуши — сравнительно «молодые» мусульмане, окончательное и повсеместное утверждение ислама произошло в середине XIX в. Но точных сведений относительно знакомства ингушей с исламом пока нет⁹. Однако известно, что еще в XVIII в. среди ингушей был распространен тарикат накшбандийа. Основателем его является Бахааддин Мухаммед Накшбанд (1318–1389), крупнейший представитель среднеазиатского суфизма¹⁰. Кадирийский тарикат распространился среди ингушей в середине XIX в. Кадирийа — суфийский тарикат, основание которого связывают с именем Абдул-Кадира аль-Джилани, или Гилани (1077–1166). Организационно кадирийский тарикат оформился к концу XIII в. Он входит в число 12 материнских суфийских братств. Сегодня кадирийский тарикат — одно из самых популярных религиозных братств. Ареал его распространения очень широк: Дальний Восток, Африка, Испания, Ближний Восток, Северный Кавказ и другие регионы исламского мира.

9. Албогачиева М. С.-Г. Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2017.

10. Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII века).

Кадирийский тарикат стал распространяться на Северном Кавказе в середине XIX в. и был связан с миссионерской деятельностью чеченского шейха Кунта-хаджи Кишиева (1800–1867), который сумел обратить в ислам ту часть населения, которая находилась в неопределенности. Кунта-хаджи считали чудотворцем, учителем правоверной жизни. С его приходом женщины впервые получили возможность принимать участие в религиозной деятельности, выражавшейся в публичном чтении аятов, различных молитв и в совершении зикра. Его учение оказалось очень близко по духу местному населению, уставшему от долгой Кавказской войны. Он был противником всякого насилия. Кунта-хаджи говорил: «Мне завещаны Аллахом только четки, я не буду брать в руки ни кинжал, ни ружье». Учение Кунта-хаджи стало очень быстро распространяться не только в Чечне, но и в соседних регионах. Местные власти стали видеть в *мюридах*¹¹ реальную силу, способную изменить ход событий. Кунта-хаджи был арестован 3 января 1864 г. в селении Сержен-юрт¹². О его дальнейшей судьбе в ссылке почти ничего не известно.

Последователи Кунта-Хаджи считают, что он лишь скрылся и явится вновь накануне Судного дня. В духе исламских эсхатологических представлений мюриды ждут возвращения Кунта-хаджи, подобно тому как прочие мусульмане-суфии ждут возвращения Хизра — первого суфия-святого, сопровождавшего, в исламской традиции, библейского пророка Мусу¹³.

После ареста Кунта-хаджи его адепты Бамат-Гирей-хаджи и Али Митаевы, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Вис-хаджи Загиев создали новые вирды¹⁴. Каждое братство имеет отличительные осо-

11. Мюрид — в суфизме: ученик, находящийся на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования.

12. Акаев В.Х. Шейх Кунта-хаджи: Жизнь и учение.

13. Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе как сеть религиозных практик // Суфизм как социальная система в Российской умме. 04.02.2009 [http://www.idmedina.ru/books/school-book/?593, доступ от 26.10.2023].

14. Вирд — это термин, используемый ингушами и чеченцами для обозначения системы религиозных воззрений, организации и принципов религиозной практики в суфийских общинах региона. Само слово заимствовано из арабского языка, где *yird* (мн. ч. *ayrad*) означает «краткую молитву или часть Корана», которую молящиеся читают ночью, а отсюда и «часть ночи, предназначенную для молитвы». У суфиев «вирд» — это обычно «здание» на чтение Корана, молитв и пр., кото-

бенности в ритуальной практике зикра, которые им завещаны их основателями. Возможно, шейхи, основатели новых братств, вводили элементы, отсутствующие в других, чтобы они были узнаваемы и имели отличительные особенности. Сам Кунта-хаджи не оставил никаких указаний по правилам исполнения своего зикра, поэтому его последователи делают зикр так, как он был передан им предками. В Ингушетии представлены не все религиозные братства кунтахаджинцев. Наиболее распространенным является вирд Кунта-хаджи Кишиева и его дочерние братства — Батал-хаджи Белхароева, Хусейн-хаджи Гарданова, Бамат-Гирея-хаджи Митаева.

Все вышеперечисленные суфийские братства не имеют определенной цепочки, в которой есть учитель и ученик. «*Силсила* — “цепь духовной преемственности”, непрерывная генеалогическая цепь духовных передатчиков особой системы мистического пути (тарика) со специфическими для него методикой обучения (нормами физических и мистических упражнений), особенностями практики (главным образом зикра и инициации) и ритуала, а также соответствующим регламентом образа жизни»¹⁵.

В этом отношении пример Чечни и Ингушетии уникален, так как здесь нет живых шейхов, их последователи почитают своих ушедших из жизни учителей-устазов и строго следуют их заветам, которые переданы предшественниками. Функцию руководителей этих братств берут на себя более опытные и хорошо знающие основы вирда религиозные авторитеты конкретного направления регионального суфизма. Эта миссия чаще всего возлагается на старшину мюридов (инг.: *тхамада*) братства или на имамов мечетей.

География учения Кунта-хаджи велика. Его последователи есть в Чечне, Ингушетии, Дагестане и в Ахмедском районе Грузии. Незначительное число его адептов имеется в Моздокском районе Северной Осетии, в с. Кизляр, где проживают кумыки, в приграничном с Ингушетией районе. Есть небольшая группа его адептов в Карачаево-Черкесии. Некоторые информанты сообщают, что этот вирд был распространен и в других регионах Кавказа, но письменных свидетельств этому пока нет. Нужно отметить, что

рое дает ученику шейх-наставник. Различия между суфийскими общинами касаются прежде всего этих заданий. Поэтому понятие «вирд» постепенно стало означать и сами отделения религиозных братств-турук (араб. мн. ч. от ед. *тарика*).

15. Акимущин О. Ф. Силсила // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 208–209.

география его распространения не ограничена кавказским регионом, его адептов можно встретить во всех регионах Российской Федерации и за рубежом, в основном в районах депортации ингушей и чеченцев, преимущественно в Казахстане. Также мюриды, эмигрировавшие в другие страны, практикуют громкий зикр в новых местах жительства. Здесь же заметим, что существование подобных практик у женщин, уехавших из республики в другие места жительства, не отмечалось.

История женской суфийской практики в Ингушетии

Женская религиозная активность, как уже было сказано выше, связана с именем Кунта-хаджи Кишиева. До середины XIX в. главная роль в социальной и культурной жизни ингушского общества отводилась мужской его половине. Женщине была предназначена роль хранительницы очага, ограниченная домашними делами и заботами. С достижением возраста ритуальной чистоты женщина обретала большую свободу, нежели в молодости. К ней приходили за советами не только члены ее семьи, но и ближайшие родственники, соседи, знакомые. Этот статус определялся не только возрастом, но и ее положением в обществе. Чаще всего этого положения достигали женщины, сумевшие завоевать уважение и почет своими знаниями и умением располагать к себе людей. Им оказывали всякие почести — уступали дорогу, сажали во главе стола, угощали раньше и лучше других, приглашали в качестве почетного гостя на всевозможные мероприятия¹⁶. Вместе с тем, об их жизни написано очень мало¹⁷. Это, конечно, связано не только с консервативностью ингушского общества, но и со многими социально-экономическими, политическими, культурными процессами, происходившими в стране, а также отсутствием научного интереса к указанной теме у исследователей.

Имеющиеся источники и научные исследования по вопросам ислама в Ингушетии не дают нам оснований утверждать, что в местном обществе в конце XIX — начале XX вв. существовали женщины, имевшие глубокие знания ислама и участвовавшие

16. Албогачиева М. С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. С. 151.

17. Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // Терские ведомости. 1871. № 31; Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы 1892–1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

в ритуале громкого зикра. Естественно, нет статистических данных по женским религиозным практикам, однако об их существовании свидетельствуют полевые материалы.

Тем не менее очевидно, что женщины, будучи хранительницами семейного очага, не могли оставаться в стороне от религиозного образования и знания. Особенно это касается тех женщин, которые были членами семей известных богословов (инг.: *Лам саг*), распространявших основы ислама в местном обществе. Их матери, жены, сестры, дочери становились носителями религиозных знаний в женской половине общества. Они возглавляли религиозные женские суфийские группы, в которых выполняли функцию старшины мюридов (инг.: *тхамада*) и помощника-исполнителя (инг.: *туркх*)¹⁸.

Женщины с принятием ислама получили некую долю свободы в развитии своего духовного мира. Они стали постигать основы мусульманской религии и распространяли эти знания среди женщин местного общества. Консервативные мужчины понимали, что получение духовного знания не только расширит духовный мир женщины, но и даст ей возможность и право руководить и быть духовным наставником общины, как это принято в мусульманских регионах мира. Это допустимо по нормам шариата, но не укладывалось в нормы ингушского адата¹⁹, следование которому не предполагало участие в коллективных зикрах. Женщины-суфии, выйдя за пределы традиционных ограничений, принятых в ингушском обществе, стали восприниматься в обществе как нарушители норм. В этом контексте нужно отметить, что мужчины и женщины, знавшие заповеди Кунта-хаджи и бывшие его последователями, относились к женщинам, исполняющим зикр, с пониманием. В тот период как мужская, так и женская половина общества, не являвшаяся адептами Кунта-хаджи, относилась к деятельности женщин с большой настороженностью. Они видели в ингушке только домохозяйку. Здесь же хочется подчеркнуть, что местные женщины-суфии не делали попыток менять традиционный уклад жизни, но при этом брали на себя дополнительные обязательства, связанные с выполнением после каждого

18. Полевые материалы экспедиции автора в Назрановский район Республики Ингушетии, август 2022 (информанты: Л. С. Оздоева 1952 г. р., Л. С. Муцольгова 1951 г. р.).

19. Адат — совокупность обычаев и народной юридической практики ингушского народа в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и тому подобных отношений.

намаза²⁰ заданий, возложенных шейхом — основателем религиозного братства — на своих адептов.

В братстве Кунта-хаджи принято после обязательных пяти молитв в соответствии с сунной пророка Мухаммеда («Да благословит его Аллах и приветствует») читать молитвы, возложенные шейхом на своих мюридов. Они стократно произносят «Нет никакого божества, кроме Аллаха», пять раз читают «Всевышний Аллах, просим ниспослать милосердие и благодать Мухаммеду и его семье», пятнадцать раз — «Прости и помилуй». Прочитав эти молитвы, они обращаются с просьбой:

О Великий Аллах! Все прочитанные мною молитвы пусть зачтутся Пророку Мухаммеду, моему устазу шейху Кунта-хаджи, всем пророкам, существовавшим на земле со времен пророка Адама, основателям всех тарикатов, Мекканским шейхам.

Затем снова стократно читают формулу «Нет никакого божества, кроме Аллаха» — и снова просят Аллаха за прочитанные ими молитвы ниспослать благодать пророку Мухаммеду и его семье, устазу Кунта-хаджи, своим родителям, мусульманам, ушедшим в мир иной, не оставив наследников, которые могли бы молиться за них²¹. Как видно из вышеизложенного, женщина брала на себя дополнительные обязательства и выполняла их, несмотря на свою занятость бытовыми заботами.

После установления советской власти до середины 30-х гг. в Ингушетии, как и в мусульманских регионах Кавказа, функционировали шариатские суды²², были открыты медресе, в которых учились и мальчики, и девочки. В процентном соотношении девочек было значительно меньше. Женщин, хорошо знающих основы ислама, в обществе было не много. Большинство из них в свободное от работы время обучали девочек у себя на дому, а по четвергам проводили регулярные зикры. Так продолжалось до 1944 г., когда ингушей и чеченцев депортировали в Среднюю Азию и Казахстан. Как отмечают информанты, их бабушки и дедушки рассказывали о неимоверных трудностях, которые они ис-

20. Намаз — обязательная молитва в исламе.

21. Албогачиева М. Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлия Кунта-Хаджи Кишиев: сборник статей. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 104.

22. Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5(13). С. 65–69.

пытали во время депортации, но связующим звеном оставалась религия. В отличие от мужчин, женщины были менее подвержены контролю со стороны властей и могли проводить зикры в своих совершенно неприспособленных для проведения ритуала помещениях.

Одна информантка сообщала, что они приносили солому и стелили ее на пол землянки, чтобы женщины во время зикра не падали на скользкий земляной пол. Землянка, укрытая снегом, была без вентиляции, но имела хорошую шумоизоляцию, позволяющую проводить ритуал и исполнять религиозные песнопения без страха быть услышанными комендантами. Собиралось на зикры небольшое количество женщин, чтобы оставаться незамеченными²³. Женщины объединялись и поддерживали друг друга и остальную часть общества, нуждавшуюся в их помощи. Что примечательно, самое последнее кадирийское братство зародилось в Казахстане во время депортации, в городе Атбасаре. Возглавил новое религиозное братство чеченский шейх Вис-хаджи Загиев²⁴, выходец из вирда Чин-Мирзы, который был мюридом Кунта-хаджи. Он впервые ввел в практику совместное совершение зикра мужчинами и женщинами, что отличало его вирд от других религиозных братств. Они беспрепятственно проводили свои совместные зикры. Это было связано с тем, что члены этого вирда жили обособленно от других, и шейх Вис-хаджи Загиев имел хорошие связи с руководителями колхоза, которые не обращали особого внимания на обрядовую сторону, так как его последователи были очень дисциплинированными и исполнительными членами колхоза²⁵. Такие преференции были не у всех. Адепты других шейхов проводили зикры тайно, без лишней огласки. Даже когда умирал член семьи, приглашали всего несколько мужчин, практикующих зикр, так как женщины не имеют право участвовать в зикре, который проводится во время похорон. Если в духовном завещании усопшего написано, что он желает, чтобы женщины сделали зикр на похоронах, это допустимо, а в остальных случаях нет²⁶. Вопрос

23. Полевые материалы экспедиции автора в Назрановский район Республики Ингушетии, 2010 (информанты: Л. С. Доскоева 1934 г. р., М. С. Марзиева 1930 г. р.).

24. *Вацагаев М.* Шейхи и зияраты Чечни. М.: Можайский полиграфкомбинат, 2009. С. 58.

25. Албогачиева М. С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. С. 160.

26. Полевые материалы экспедиции автора в Малгобекский район Республики Ингушетии, июнь 2020 (информанты: Т. А. Тумгоева 1953 г. р., Л. А. Муцольгова 1952 г. р.).

о том, может ли участвовать в зикре жена, дочь, сестра, решают старшие мужчины в семье. Именно от их решения зависит, будет родственница участвовать в суфийских практиках громкого зикра или нет.

После реабилитации и возвращения на родину женщины, как и в ссылке, снова стали собираться на зикры. Полевые материалы автора позволили выявить наличие женских групп мюридов с 1960-х гг. По свидетельству информантов, их матери и бабушки практиковали регулярные коллективные моления в Сунженском, Малгобекском, Джейрахском, Назрановском и Грозненском районах ЧИАССР.

Рис. 1. Женщины-мюриды. Чечено-Ингушская АССР, ст. Слепцовская, 1967 г. Фото из личного архива Л. Колоевой

В районах со смешанным населением ингушки и чеченки практиковали совместный зикр²⁷. Местные власти прилагали массу усилий, чтобы запретить ритуал зикра. Наиболее подверженным контролю со стороны местных властей были кадирийские братства, в которых существовала практика громкого зикра. Они были более уязвимыми, нежели последователи тариката накш-бандийа, которые проводили ритуалы тихого зикра и были не-

27. Албогачева М. С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. С. 153.

заметны для сторонних наблюдателей. Коммунистами принимались различные меры по предотвращению этих ритуальных сборов. Под их неусыпным вниманием были сборы населения в пятницу, так как в эти дни проходили коллективные намазы и зикры. Если участница зикра была работающим человеком, то по доносу коллег или иных «доброжелателей» ее вызывали в партком для проведения соответствующей беседы. Женщин всячески запугивали, но, по имеющимся данным, полученным в ходе сбора полевого материала, задержаний и тюремных заключений женщин, в отличие от мужчин, не было²⁸.

После распада СССР некоторые женщины, работавшие в райкомах партии, райисполкомах сами начали практиковать громкий зикр. Информанты сообщают, что они стали ревностными служителями культа и строго выполняли все возложенные на них обязательства. Эти женщины отмечают, что ранее они боялись наказания и увольнения с работы, вынуждены были оставаться в стороне от ритуальной практики, хотя и имели желание участвовать в зикре²⁹.

Большая группа, практикующая зикр, сложилась в 1970-х гг. в станице Слепцовой (с 2016 г. — город Сунжа), где около 30–50 женщин регулярно участвовали в зикрах. По сообщениям информантов, они были разновозрастными — от 18 лет и старше, до преклонного возраста. По национальности участницы были в основном ингушками, но некоторые были и из нахского общества³⁰ — мялхи. Основала женское суфийское братство и многие годы возглавляла его (была *туркхон*) ингушка Къарибат Чонтиевна Оздоева (Сейнароева) (1901–1992). Ее помощницей-исполнительницей была ингушка Марем Кагермановна Колоева (Цицкиева) (1932–2013), которая с 1990 г. до конца жизни была *тхамадой* женщин-мюридов³¹. Ее дочь Лейла Ахметовна Колоева вспоминает, как женщины регулярно проводили зикры и очень расстраивались, если кто-то говорил, что этот обряд не должны выполнять женщины. Они всем отвечали, что Аллах создал рав-

28. Полевые материалы экспедиции автора в г. Сунжа Республики Ингушетии, июль 2021 (информанты: Л. А. Колоева 1952 г. р., Ф. А. Марзиева 1951 г. р.).

29. Полевые материалы экспедиции автора в г. Сунжа Республики Ингушетии, август 2022 (информанты: Л. С. 1950 г. р., М. А. 1951 г. р.).

30. Нахские народы — этноязыковая общность, которая в современном кавказоведении объединяет чеченцев и ингушей.

31. Албогачиева М. С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. С. 154.

ными и мужчин, и женщин. Этот был основной аргумент, который они приводили, когда возникали споры относительно правомочности женских ритуальных практик. Даже когда их вызывали в райком партии для разъяснения о неправомочности ритуальных практик, они не отступались от своего решения участвовать в зикрах. «Вера в Создателя и его милость давала им силы противостоять атеистической пропаганде»³².

Женскую группу мюридов в Назрани и Насыр-Корте более 60 лет возглавляла Сяда Гудиева (1926–2021). Всю свою сознательную жизнь после возвращения из депортации она руководила группой и учила новичков правильно исполнять ритуал зикра. После ее смерти в 2021 г. женское братство возглавила Эсет Гапархоева. *Тхамадой* последние пять лет была Субар-хаджи Тутаева, после ее смерти в 2021 г. эта обязанность возложена на Хаву Тимурзиеву³³.

Здесь же уместно отметить, что женщины с большой благодарностью вспоминают Сяду, так как благодаря ей в Ингушетии стали при строительстве мечетей делать женскую половину. После перестройки в Ингушетии стали возводить соборные мечети. Узнав о предстоящем строительстве соборной мечети в Назрани в 1996 г., Сяда, как женский *туркх* Назрановской женской религиозной общины, пришла к Хизиру Цолоеву, который был назначен имамом строящейся мечети, и попросила сделать для женщин место для совершения намаза, что он и выполнил. С тех пор туда приезжают женщины из окрестных поселений для проведения своих ритуалов. В начале 2000-х только из Слепцовска приезжало около 30 женщин, и такое же количество из окрестностей Назрани съезжалось на *таравих-намазы*³⁴ в указанную мечеть имени Басира Оздоева³⁵. Наибольшее количество женщин собиралось на праздничных проповедях в мечети в дни мусульманских праздников.

32. Полевые материалы экспедиции автора в г. Сунжа Республики Ингушетии, июль 2021 (информанты: Л.А. Колоева 1952 г. р., Ф.А. Марзиева 1951 г. р.).

33. *Албогачиева М.* Современные суфийские практики ингушских женщин // Кавказ: перекресток культур. Вып. 3. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2021. С. 180.

34. В месяц Рамадан мусульмане каждый день делают намаз (*таравих*) после обязательного ночного намаза. Таравих — это желательный намаз (намаз-сунна).

35. Полевые материалы экспедиции автора в г. Сунжа Республики Ингушетии, июль 2021 (информант: Л.А. Колоева 1952 г. р.).

В настоящее время женщин, практикующих громкий зикр, стало значительно меньше. Сильное влияние оказала и пандемия коронавируса, который подорвал здоровье части активных женщин — участниц ритуала и привел к смерти многих участниц коллективных зикров. Это связано и с тем, что в последние десятилетия отношение в обществе к женщинам-суфиям очень сильно изменилось из-за появления большого количества салафитов, которые являются противниками подомных ритуальных практик зикра, как женщин, так и мужчин. В целом в ингушском обществе в последнее время наблюдается переход молодых людей из тарикатного ислама в салафизм. Старшее поколение не согласено с позицией салафитов и пытается отстаивать свои позиции, но молодые считают, что старики были подвержены атеистическому влиянию советской эпохи и поэтому плохо знают ислам. Из-за этого в семьях часто происходят конфликты между родителями и детьми на религиозной почве.

Укрепление позиций салафитов сильно влияет и на женские практики. Они считают, что женщинам можно молиться дома, но не собираться вместе для проведения этого ритуала. Жены, сестры, дочери салафитов не могут участвовать в зикрах не только потому, что это желание мужчин их семьи, но и потому, что это противоречит их собственным религиозным взглядам. Они являются противницами ритуальных практик громкого зикра и не принимают эту традицию. Все упомянутое выше приводит к постепенному сокращению участниц ритуальных женских практик.

Возрастной, социальный и этнический состав участниц зикра

Современные женщины, участвующие в ритуальных практиках громкого зикра, преимущественно средних лет и пожилого возраста (40–70 и более лет), но в некоторых населенных пунктах можно встретить и молодых женщин. Здесь же нужно отметить, что информанты сообщают, что после возвращения из депортации в зикрах участвовали и молодые женщины, и девочки. Но в настоящее время эта практика изжила себя: кроме уже указанного влияния салафитов, многие молодые женщины воспринимают ритуал зикра как нечто архаичное и не укладывающееся в их восприятие религиозных норм. Однако бывают случаи, что даже такие прежде категорично относившиеся к ритуалу женщи-

ны впоследствии сами становятся мюридами и приходят в женские ритуальные группы после различных испытаний, выпавших им в жизни. У каждой участницы свой мотив.

Для одних вовлечение в религиозное женское братство нередко есть результат внутреннего религиозного убеждения, определенного духовного роста, для других — опора и поиск душевного равновесия на фоне массовой безработицы, есть и те, кто приходит в братство с целью исцеления душевных и физических травм³⁶.

Рис. 2. Женщины перед началом зикра. Республика Ингушетия, с. Насыр-Корт, 2021. Фото автора

Основная масса женщин — из неполных семей. Чаще всего это разведенные, овдовевшие, потерявшие близких родственников, пережившие жизненные трагедии женщины. Весьма разнообразен и профессиональный состав участниц ритуального действия. Среди них можно встретить представительниц разных профессий, но я не встречала в их числе ученых и чиновников высшего ранга. По уровню материального достатка они также различаются: есть среди них состоятельные женщины и не очень.

Этнический состав адептов Кунта-хаджи очень разнообразен: это не только жители региона, но и русские, азербайджанки,

36. Албогачева М. Современные суфийские практики ингушских женщин. С. 183–184.

еврейки, немки и представительницы других национальностей, принявшие ислам и живущие в этом регионе. Вступление в женское религиозное братство обязательно начинается с ознакомления со всей обрядовой стороной и тем, что нужно знать про ритуал зикра. Если испытываемая сочтет, что все для нее приемлемо, она пройдет подготовку и обучение у опытной участницы ритуала и станет равноправным членом этой религиозной общины. Национальная принадлежность не имеет никакой роли, если адепт принял вирд Кунта-хаджи. Нередко принятие другой религии связано с духовным поиском человека, но для женщин это чаще всего брачные узы, которыми она связана с супругом. Нужно отметить, что переход в другую религию не является обязательным условием брачного союза. Но многие считают своим долгом стать приверженцем той веры, которой принадлежит супруг. Мы знаем, что среди женщин, участвующих в зикре, можно встретить и тех, у кого муж приверженец не кадирийского, а накшбандийского тариката.

Исследователи отмечают, что переход в новую религию для неопитов сопряжен с массой сложностей — информационных, организационных, экономических, психологических, коммуникативных и др.³⁷ Женщинам в некотором роде легче проходить свой путь, так как рядом есть муж и его родственники, которые готовы ей помогать. Есть примеры достаточно успешных на этом поприще женщин-неопитов, которые достигли большого почета и уважения в обществе. Об этом свидетельствуют материалы Л. М. Гарсаева, Х.-А. М. Гарасаева. Они пишут:

Например, в нашем селе Элистанжи Веденского района жили Елена Чакаева и Валентина Маштакова. В настоящее время живет Яха Петирова. Эти женщины были замужем за чеченцами. Покойные Елена и Валентина были похоронены по обряду кунта-хаджинцев. А Яха Петирова и ныне живет в этом селе. Она глубоко верующая женщина. Уже более сорока лет как она приняла ислам и вступила в братство Кунта-хаджи. Мы не помним ее русского имени и все зовем ее чеченским именем Яха, что в переводе означает «Живи!». Нам довелось говорить с ней лично, поскольку она часто заходила к нашей покойной матери Санет. Она говорила нам о том, что

37. *Тутаева Л. О.* Исламские неопиты в Ингушетии // *Этнокультурное пространство Кавказа в системе межэтнических и межконфессиональных коммуникаций: сборник научных статей.* М.: МАКС Пресс, 2022. С. 38–45.

она очень счастлива в братстве Кунта-хаджи. В зикрах, в молитвенных песнопениях *назмах* она находит удовлетворение, душевное спокойствие, нравственное очищение, она черпает в них силу и ловкость. Яха очень переживает за своих родственников в России, потому что, как она считает, они живут в неверии и заблуждении. Как активистка братства, Яха участвует во всех женских собраниях: в зикрах по случаю похорон и в еженедельных вечерних молениях по средам и воскресеньям. Вместе с другими мюридами она совершает малое паломничество *зийара* к мавзолею матери Кунта-хаджи — Хеды³⁸.

Другой пример также связан с принятием вирда Кунта-хаджи украинкой, бывшей замужем за чеченцем в советское время. Вирдовым практикам невестку обучала свекровь, а муж был против ее участия в зикре. «Она сама собирала в специально построенном для быстрого зикра помещении за пределами жилого дома женщин-мюридок для совершения зикра»³⁹. В целом в Ингушетии некоторые русские семьи, живущие там десятилетиями, принимают ислам и вирд Кунта-хаджи. Женщины в этих семьях при желании посещают женские зикры и становятся их участницами. Как сообщают информанты, в советское время женщины, которые выходили замуж за ингушей, принимали вирд мужа. «Жена моего дяди была немкой, с ней они познакомились, когда по воле судьбы оба оказались в числе депортированных в Казахстане. Там они поженились, и тетя Мария приняла вирд своего мужа»⁴⁰. Нужно отметить, что для неофиток есть некоторые послабления. Как правильно отметили Л. М. Гарсаев и Х.-А. М. Гарсаев, «при совершении молитвы не упоминаются их родители, так как те не были мусульманами. Тем самым оказывается уважение к их вере»⁴¹. Это означает, что для тех, кто принял ислам, вирд-задания бывают усеченные, так как им не нужно было произносить стократно молитву за своих родителей, которая обязательна для остальных адептов.

38. Гарсаев Л. М., Гарсаев Х.-А. М. К вопросу о роли и месте вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-хаджи — Чечня (некоторые аспекты). С. 39.

39. Хизриева Г. А., Султыгов А. Л.-А. Женское религиозное образование у суфиев вайнахов // Религиоведение. 2005. № 2. С. 43–48.

40. Полевые материалы экспедиции автора в Назрановский район Республики Ингушетии, июль 2014 (информант: Л. К. Албогачиева 1952 г. р.).

41. Гарсаев Л. М., Гарсаев Х.-А. М. К вопросу о роли и месте вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-хаджи — Чечня (некоторые аспекты). С. 40.

Примеров, связанных с принятием ислама представителями других религий, в ингушском обществе достаточно много, но число женщин, ставших практиковать громкий зикр, можно встретить нечасто. Вместе с тем, как подчеркивают женщины-*туркхи*, которые многие годы возглавляют религиозное братство, неофитки в этом своем новом духовном поиске достигают значительных результатов, часто превосходя тех, кому религия досталась по наследству.

Участие в зикре

Ритуальная практика зикра у мужчин и женщин приурочена к разным дням и часам. Это связано с тем, что женщины не могут в ночное время ходить на ритуальные практики, в отличие от мужчин. Мужчины собираются на зикры в ночь с воскресенья на понедельник и с четверга на пятницу. Считается, что эти дни особо почитаемы из-за того, что в ночь на понедельник родился пророк Мухаммед, а со среды на четверг — Кунта-хаджи. Женщины собираются в основном в четверг, ближе к обеденному намазу⁴².

В назначенный день женщины собираются в доме одной из участниц или других людей, которые хотят провести у себя дома ритуальную практику. Всех приходящих встречает хозяйка дома и прямо на пороге, не проходя в дом, женщины-мюриды приветствуют друг друга чтением салавата⁴³. Затем они проходят в комнату, специально подготовленную для них, и рассаживаются по кругу с учетом возраста и статуса участницы. Отметим, что в ингушской традиции гость занимает самое почетное место в самом конце комнаты, рядом с *тхамадой*, а остальные рассаживаются по возрасту, самые молодые — ближе всего к двери. *Туркх*, пока все мюриды не соберутся, занимается организационными вопросами и только когда все участницы ритуала в сборе садится в круг, но ближе к двери, чтобы не мешать остальным при необходимости вставать и давать распоряжения.

Собравшись, все участницы делают обеденный намаз и выполняют вирд-задания, возложенные на них учителем. После этого

42. Албогачиева М. С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. С. 153.

43. Салават — это молитва, произносимая для восхваления Посланника Аллаха Пророка Мухаммеда.

они начинают коллективные религиозные песнопения (инг.: *на-зым*). Затем более молодые участницы зикра встают и начинают в медленном ритме делать зикр, к которому присоединяются более пожилые люди. Участницы движутся по кругу против часовой стрелки, затем меняют направление — по часовой. После окончания ритуала женщины присаживаются на свои места и начинают исполнять религиозные песнопения, которые продолжаются 15–20 мин. В это время по распоряжению *туркха* начинают покрывать пол клеенками, на которые затем ставятся угощения — начинается трапеза. По окончании угощения мюриды ставят на стол воду в графине и соль, а затем начинают читать *мавлид*⁴⁴, после чего всем участникам предлагается выпить воду: предварительно трижды прикоснувшись указательным пальцем правой руки к соли, каждая участница зикра отпивает воду, делая три глотка⁴⁵. Оставшуюся в кувшине воду доливают до краев и передают домо-чадцам, чтобы они тоже ее выпили. Считается, что эта вода обладает целебными свойствами, поэтому ею прежде всего опаивают больных, а затем всех остальных. Никто не знает, как появились и почему закрепились некоторые ритуалы, существующие в современном ингушском обществе. Например, женщины комментируют ритуал использования соли так: «Если в организме человека есть соль, то он не сгорит в огне, и дом, в котором прошел этот ритуал, не будет подвержен пожару»⁴⁶. Других объяснений по этому поводу нет.

Уходящим с мероприятия гостям хозяйка дома дарит предварительно подготовленные небольшие подарки в виде носков, носовых платков и различных угощений — по возможностям хозяев дома. Особенно желательным считается раздача милостыни (инг.: *сагла*) белого цвета. Это не только сахар, соль, мука и т. д., но и ткань белого цвета. Чаще всего дают белую марлю, разрезанную на куски. Считается, что одним из любимых цветов пророка Мухаммеда был белый цвет. Этот цвет используется в ритуальной церемонии — умершего заворачивают в белый саван; во время хаджа паломники совершают обход вокруг Священной Каа-

44. Мавлид — собрание мусульман для выражения радости по случаю рождения пророка и любви к нему.

45. Анализ хадиса: «тот, кто начинает свою еду со щепотки соли, будет защищен от 70 болезней» // Azan.ru [https://azan.ru/maqalat/read/analiz-hadisa-tot-kto-nachinaet-svoyu-edu-so-schepotki-soli-budet-10923, доступ от 26.10.2023].

46. Полевые материалы автора в Назрановском районе Республики Ингушетии, август 2022 (информант: Л. С. Оздоева 1952 г. р.).

бы, облачившись в белую ритуальную одежду, состоящую из двух кусков непрошитой материи, которыми опоясываются и накидывают на туловище⁴⁷. Этим принципом руководствуются и ингушские женщины при выборе милостыни, надеясь увеличить благодать, получаемую мусульманином за его благие деяния.

Рис. 3. Женщины читают мовлид. Республика Ингушетия с. Насыр-Корт 2021. Фото автора

После завершения ритуала, перед уходом, женщина — старшина мюридов (инг.: *тхамада*) этого населенного пункта объявляет группе о тех людях, кто изъявил желание пригласить их, и о тех, кто нуждается в их посещении и молитве. Женщины обсуждают детали своего следующего визита и планируют, кто что принесет. Если это визит к больному, они приносят продукты или деньги — каждая по своим возможностям. Женщины проводят также ритуалы, молясь и о больных, и о тех, кто в местах лишения свобо-

47. Сафиулина К. Цветовая символика в исламе // IslamNews. 20.01.2011 [https://islamnews.ru/Cvetovaja-simvolika-v-islame?ysclid=llsoiem7kd704826933, доступ от 10.09.2023].

ды, и о тех, кто на войне. Женщины уверены, что Аллах примет их молитвы, защитит нуждающихся и поможет им.

Посещение зийаратов

Известно, что в суфийской традиции важны и почитаемы святые места, где захоронен тот или иной святой. Зийарат (араб.: посещение) — у мусульман хождение к святым местам, а также просто место захоронения человека⁴⁸. Термин *зийарат* в ингушском языке также может подразумевать и посещение мусульманином своего брата по вере с целью увидеть его и узнать о положении его дел. В местной традиции считается, что это богоугодное действие и совершается ради Всевышнего Аллаха⁴⁹. В среде ингушей, как и у многих народов мира, развито поклонение «святым местам» — могилам и мавзолеям исторических и мифических деятелей ислама. Существуют на территории Ингушетии и зийараты, связанные с памятью суфийских шейхов. Подобные сакральные места есть во всех уголках мира⁵⁰. Посещение зийаратов у ингушей чаще всего осуществляется в праздничные дни, накануне месяца Ураза-байрам и Курбан-байрам, а также когда верующий человек считает, что ему необходима духовная поддержка, которую он получает при посещении зийаратов. Целью посещения является напоминание о загробном мире, вознесение мольбы за умерших и размышление о тленности этого бренного мира. Нужно отметить, что для большинства религиозных братств нехарактерно посещение могил женщин. А кадирийский тарикат отличается от других посещением женского зийарата, матери Кунта-хаджи — Хеды. В местах, где люди много молились, существует особая энергетика, и верующие отмечают, что они это чувствуют.

Исследователи, изучавшие практики посещения зийаратов, отмечали, что в местном обществе считается, что

паломничество к могилам религиозно-родовых авторитетов, поклонение кому бы то ни было, кроме Аллаха, является нарушением норм ислама. Посещение могил может быть обосновано рядом при-

48. Резван Е.А. Зийарат // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 77.

49. Албогачиев Р.Ш. Святые места, связанные с именем святого устаза Киши-хаджи // Шейх, устаз, овлия Кунта-хаджи Кишиев. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 23.

50. Абашин С.Н., Бобровников В.О. «Соблазны культа святых» // Подвижники ислама: Култ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост.: С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 3–17.

чин. Так, если человек приходит, чтобы вспомнить о смерти и помянуть покойного, навести порядок на кладбище, такой *зийарат* разрешен. Если человек делает из посещения могилы поклонение (религиозный обряд), считает, что ему мертвый сможет чем-то помочь, придумывает новые обряды и делает их *фардом* (обязанностью или очень желательным), такой *зийарат* запрещен. Поэтому нельзя считать, что все, кто посещает святые места, совершают грех⁵¹.

Этой точки зрения придерживаются мужчины и женщины, для которых зийараты играют важную роль.

Наиболее значимой из зийаратов Ингушетии является могила Тешала-хаджи Ужахова, адепта Кунта-хаджи Кишиева. Это место — одно из самых посещаемых в Ингушетии. Информант А. сообщил:

Я приезжаю к зийарату Тешала Ужахова и ощущаю чувство глубокого удовлетворения. Моя душа в этом месте отдыхает и дает мне силы развиваться и жить в гармонии. Но в тех случаях, когда я вижу, что там есть посетители, я дожидаюсь, пока они уедут, и только после этого поднимаюсь к зийарату. Это время, проведенное у его могилы, я хочу быть один, чтобы мог помолиться и почувствовать единение с этим местом, где покоится его тело⁵².

Зийарата Кунта-Хаджи не существует, но его последователи совершают паломничество к месту захоронения его матери Хеды. *Зийарат* находится в Веденском районе Чечни, в селении Хажи-Эвла, на вершине горы Эртан-Корт.

Огромное количество верующих из разных уголков Ингушетии отправляются туда в месяц Рамадан и в дни мусульманских праздников, предварительно посетив могилу Т. Ужахова. Могила Хеды привлекает внимание всех последователей учения Кунта-хаджи в любое время года, но в праздничные дни туда устремляется огромный поток адептов. Могила Хеды никогда не остается без посетителей. Особенно много их бывает в день рождения Кунта-хаджи, 11 июля, и в дни стояния на Арафате во время хаджа. Сюда

51. Албогачиева М. С.-Г. Зийараты и культовые сооружения в Ингушетии // Казанское исламоведение. 2015. № 1. С. 149–160.

52. Полевые материалы экспедиции автора в Назрановский район Республики Ингушетии, июль 2020 (информант: Л. А. Ужахов 1950 г. р.).

сезжаются мюриды со всего Кавказа, независимо от их гендерной принадлежности, для того чтобы помолиться и сделать коллективный зикр в этом месте. За последние десятилетия зийарат очень сильно изменился в лучшую сторону. Есть места для омовения, намаза, отдыха. Женщины, как и мужчины, проводят в молитвах и зикрах все время, когда они приезжают на зийарат Хеды.

Рис. 4. Женщины на зийарате Хеды. Чеченская Республика, с. Хажи-Эвла, 2022. Фото Л. Архановой

Примечательно то, что в местном обществе происходит сакрализация традиции женского начала, где мать Кунта-хаджи занимает пальму первенства, вслед за ней идет ученица Кунта-хаджи — Хазет (Хадет) как свидетельница формирования традиции. Информанты рассказывают существующие в устной традиции общества различные истории, связанные с его ученицей. Так, например, в одном ауле плохо шел ритуал зикра. В местной традиции считается, что, если после смерти человека зикр продолжается долго и слаженно, это свидетельствует о том, что этот человек богом избранный и ему уготован рай в другой жизни. Поэтому родственники придают огромное значение ритуалу и его продолжительности. Возможно, с этим и было связано, что на мужской зикр Кунта-хаджи решил позвать Хазет. Он послал за ней гонца, но тот возвратился и передал, что ей не на кого

оставить ребенка. Тогда Кунта-хаджи сказал: не думай о ребенке, с ним все будет в порядке. Оставив малыша, Хазет пришла на зикр, и Кунта-хаджи попросил ее стать в дверях комнаты, где проходил ритуал. На удивление, с ее появлением зикр усилился и долго, слаженно продолжался. Когда Хазет вернулась домой, она увидела, что ребенок спокойно спал, как и обещал Кунта-хаджи⁵³. Наряду с Хедой и Хазет упоминается подруга матери Кунта-хаджи, бывшая свидетельницей чудесного рождения устаза. В обществе существуют многочисленные рассказы о женщинах-провидицах. К великому сожалению, из-за отсутствия письменных источников до нас не дошли имена этих выдающихся женщин своего времени, но в устной традиции они живут.

Женщины о практике зикра

Знакомство с религиозными практиками позволило женщинам увидеть новый смысл жизни и изменить себя.

Из нижеизложенных фрагментов интервью женщин мы видим, насколько сильна любовь к Богу и надежда на его милость.

- Зикр для меня — это весь смысл моей жизни. Без него не могу жить и дышать. Я ощущаю полноценность моей жизни только после религиозного ритуала. Зикр я воспринимаю как исполнение своего долга перед Создателем. Для меня зикр как намаз, как один из столпов ислама. Я не могу его пропускать или игнорировать, так как в нем мое дыхание и сердце⁵⁴.
- Делая дуа после зикра, я ощущаю, что мои просьбы доходят до Аллаха. Я начинаю ощущать тепло в руках, которые я держу перед своим лицом и ощущаю необыкновенное чувство наполнения моей души. Во время дуа я прошу не столько за себя, сколько о нуждающихся, больных, ушедших в мир иной, и, конечно, обо всей мусульманской умме⁵⁵.
- Зикр стал смыслом всей моей жизни. Несколько лет после смерти сына я не знала, как прожить остаток жизни. Сутками я плакала и не общалась с людьми. Случайное знакомство

53. Полевые материалы экспедиции автора в Пригородный район Республики Северная Осетия — Алания, 2018 (информант: Л. М. Досхоева 1953 г. р.).

54. Полевые материалы автора, г. Сунжа Республики Ингушетии, июль 2021 (информант: Марзиева Ф. А. 1951 г. р.).

55. Полевые материалы экспедиции автора в Пригородный район Республики Северная Осетия — Алания, 2018 (информант: Л. М. Гадаборшева 1953 г. р.).

с женщинами, практикующими зикр, вернуло меня к жизни. Я молюсь за своего мальчика после коллективного зикра и чувствую, что моя душа переполняется любовью к Создателю, который даровал мне подарок судьбы — моего сына. Он многие годы радовал меня и был моей отдушиной... Но Аллах его забрал, чтобы я посмотрела на мир другими глазами. Я ему благодарна за все и до конца моей жизни буду возносить молитвы к нему. В моей душе теперь любовь к Богу, которая заполнила мою жизнь смыслом. Я совершила хадж за себя и сына и весь остаток жизни буду участвовать в коллективных молитвах. Ведь коллективный дуа более весом, чем индивидуальный, я это чувствую всей душой⁵⁶.

- Зикр меня исцеляет от всех недугов. Мои хронические болезни уходят в никуда во время ритуала. Я ощущаю легкость и полноту жизни. Голос мой становится звонче и сильнее, и я надеюсь, что мои религиозные пения поднимают дух участниц зикра. Но когда мы приезжаем на различные зийараты и я исполняю зикр на открытом пространстве, я слышу, как ветер подхватывает мое пение и разносит его по округе. Я ощущаю единение с миром через религиозные песнопения. Услышав наши радения, некоторые женщины начинают принимать участие в зикрах и становятся мюридами. Кадирийский тарикат еще больше укрепляется и больше распространяется. Кунта-хаджи дал женщинам религиозную свободу, и мы будем чтить его вирд и пронесем его через всю жизнь⁵⁷.

Участницы зикра считают, что именно коллективные радения позволяют им постигать любовь к Всевышнему и всему человечеству.

В них преобладает чувство сострадания, милосердия, любовь к ближнему, отражающаяся в действиях, совершаемых с целью принесения духовной помощи себе и другим. Главное для них — довольство Аллаха, к которому они стремятся всеми доступными для них средствами. Многие женщины сумели самостоятельно решить свои собственные проблемы с помощью регулярных практик зикра.

56. Полевые материалы автора, Назрановский район Республики Ингушетии, июнь 2022 (информант: Л. А. Тутаева 1961 г. р.).

57. Полевые материалы экспедиции автора в Назрановский район Республики Ингушетии, июль 2021 (информант: Л. А. Оздоева 1950 г. р.).

Рис. 5. Женщины-мюриды после зикра. Республика Ингушетия, Назрань. 2021. Фото автора

Заключение

Анализ проведенного исследования позволил показать, в какой исторический период стал распространяться в ингушском обществе кадирийский тарикат, привнесенный в это общество чеченским шейхом XIX в. Кунта-хаджи Кишиевым. Как ингушские женщины, обремененные бытовыми заботами, лишённые активной жизни вне дома, сумели выйти за пределы приватного пространства и сумели освоить суфийские практики зикра, которые для многих стали смыслом их жизни и их философией. Отношение к зикру менялось в обществе, но женщины практиковали его, несмотря на социально-экономические и сложные политические процессы, происходившие в ингушском обществе. Для женщин суфиев смысловым ядром, задающим ритм их жизнедеятельно-

сти, является религиозная практика зикра. Это касается обоих тарикатов — кадирийя и накшбандийя, практикуемых ингушами с периода принятия ислама. Женщины в депортации практиковали зикры и после возвращения на Кавказ продолжали свои ритуальные практики, несмотря на давление со стороны государственных органов власти. Но на современном этапе ингушское общество столкнулось с множеством проблем, связанных с религиозно-политическими течениями, проникающими в республику извне.

Характерная для жителей республики система мирно сосуществующих исламских тарикатов накшбандийя и кадирийя, традиционно разделенных на десятки малых религиозных братств, ныне подвергается масштабной эрозии и в организационном, и в идейном плане. Идеология салафизма все больше привлекает молодых людей с хорошим образованием, из благополучных семей. Они считают, что ислам, не имея в советский период полноценной связи с мировыми религиозными центрами, был подвержен атеистическому влиянию и поэтому деформировался и представляет искаженную форму реального ислама. Основное противоречие состоит в том, что салафиты отрицают возможность «посредничества» кого бы то ни было, в том числе и шейхов, между Аллахом и человеком. Своей основной задачей они считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых ему, с их точки зрения, примесей, основанных на культурных, этнических или каких-либо других особенностях тех или иных мусульманских народов. Значительная часть женщин разделяет эту точку зрения и считает женский зикр недопустимым в ингушском обществе. Эти женщины сами не участвуют в религиозных практиках и не разрешают своим дочерям и близким родственницам быть участницами зикра. Таким образом из года в год число молодых участниц сокращается, а женщины старших возрастных групп больны или уходят в мир иной. В результате практика зикра постепенно уходит из жизни ингушских женщин.

Тем не менее суфийские практики ингушских женщин должны оставаться в поле зрения исследователей. Они еще не до конца изучены. Во многом это связано с приватностью самого ритуала и нежеланием части женщин быть объектами изучения. Многие не выходят на контакт, объясняя свой отказ тем, что они не смогут словами обрисовать те чувства, которые они испытывают во время ритуала. Другие не желают делиться своим сокровенным, считая свою практику личным духовным поиском. У каждой

женщины свои мотивы, и мы уважаем их выбор. Но благодаря тому, что есть женщины, готовые к диалогу, мы смогли собрать материалы, которые отражены в статье. Введение в научный оборот сведений, касающихся мистического опыта ингушских женщин, возможно, сподвигнет ученых из других регионов страны обратиться к этой непростой, но, как нам кажется, перспективной для исследователей тематике.

Библиография / References

- Абашин С.Н., Бобровников В.О. «Соблазны культа святых» // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост.: С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 3–17.
- Акаев В.Х. Шейх Кунта-хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 1. С. 95–108.
- Акаев В.Х. Шейх Кунта-хаджи: Жизнь и учение. Грозный: НИИ гуманитарных наук ЧР, 1994.
- Акимущин О.Ф. Силсила // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 208–209.
- Акимущин О.Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем // Введение к рус. изд. кн.: Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989. С. 3–22.
- Албогачиев Р.Ш. Святые места, связанные с именем святого устаза Киши-хаджи // Шейх, устаз, овлия Кунта-хаджи Кишиев. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 617–620.
- Албогачиева М. Современные суфийские практики ингушских женщин // Кавказ: перекресток культур. Вып. 3. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2021. С. 174–194.
- Албогачиева М.С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 2. С. 149–164.
- Албогачиева М.С.-Г. Зийараты и культовые сооружения в Ингушетии // Казанское исламоведение. 2015. № 1. С. 149–160.
- Албогачиева М.С.-Г. Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
- Албогачиева М. Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлия Кунта-Хаджи Кишиев: сборник статей. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 101–107.
- Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII века) / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2003.
- Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // Терские ведомости. 1871 в. № 31; Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы 1892–1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
- Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (13). С. 65–69.

- Вачагаев М. Шейхи и зияраты Чечни. М.: Можайский полиграфкомбинат, 2009. С. 58.
- Гарсаев Л.М. Роль и место вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи — Чечня (некоторые аспекты) // Рефлексия. 2012. № 2–6. С. 7–9.
- Гарсаев Л.М., Гарсаев Х.-А.М. К вопросу о роли и месте вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-хаджи — Чечня (некоторые аспекты) // Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект. Материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 24–25 июня 2022 года. Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 34–39.
- Кныш А.Д. Суфизм // Социальное партнерство. М.: Большая российская энциклопедия, 2016. С. 462–465.
- Мутиева О.С. Религиозные практики женщин в мусульманских общинах Северного Кавказа: история и современность // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. Вып. 3. С. 7–14.
- Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009.
- Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит. РАН, 2004.
- Резван Е.А. Зийарат // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 77.
- Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. М.: Наука. Глав. редакция восточной лит., 1987.
- Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. М.: Наука. Глав. редакция восточной лит., 1990.
- Тутаева Л.О. Исламские неопиты в Ингушетии // Этнокультурное пространство Кавказа в системе межэтнических и межконфессиональных коммуникаций: сборник научных статей. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 38–45.
- Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе как сеть религиозных практик // Суфизм как социальная система в российской умме. 04.02.2009 [<http://www.idmedina.ru/books/school-book/?593>, доступ от 26.10.2023].
- Хизриева Г.А., Султыгов А.Л.-А. Женское религиозное образование у суфиев вайнахов // Религиоведение. 2005. № 2. С. 43–48.
- Хисматуллин А.А. Суфизм. СПб.: Азбука-классика: Петербургское востоковедение, 2003.
- Abashin, S.N., Bobrovnikov, V.O. (2003) “Soblazny kul’ta sviatykh” [The temptations of the cult of the saints], in S.N. Abashin, V.O. Bobrovnikov (eds) *Podvizhniki islama: Kult sviatykh i sufizm v Srednei Azii i na Kavkaze*, s. 3–17. M.: Vostochnaia literatura.
- Akaev, V. Kh. (1994) *Sheikh Kunta-khadzhi: Zhizn’ i uchenie* [Sheikh Kunta Hajji: Life and Teachings]. Grozny: NII gumanitarnykh nauk ChR.
- Akaev, V. Kh. (2016) “Sheikh Kunta-khadzhi Kishiev v dukhovnoi kul’ture chechentsev: osnovnye vekhi zhizni, sut’ ucheniia i ego sovremennoe znachenie” [Sheikh Kunta-Khadji Kishiyev in Chechen Spiritual Culture: Major Milestones of Life, Essence of Teachings and Their Contemporary Significance], *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvenny i mezhdunarodno-politicheskii aspekty* 12(1): 95–108.
- Akhriev, Ch. (1871) “Ob ingushskikh zhenshchinakh” [About Ingush women], *Terskie vedomosti* 31.
- Akimushkin, O.F. (1989) “Sufiiskie bratstva: slozhnyi uzel problem” [Sufi fraternities: a complex knot of problems], in Trimmingem Dzh. S. *Sufiiskie ordeny v islame*, s. 3–22. M.: Nauka.

- Akimushkin, O. F. (1991) "Silsila" [Silsila], *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'*, s. 208–209. M.: Nauka.
- Albogachiev, R. Sh. (2012) "Sviatye mesta, sviazannye s imenem sviatogo ustaza Kishi-khadzhi" [Holy places associated with the name of the holy ustaz Kishi Haji], *Sheikh, ustaz, ovliia Kunta-khadzhi Kishiev*, s. 617–620. Nal'chik: Tetragraf.
- Albogachieva, M. (2012) "Kunta-hadzhi Kishiev, ego propoved i posledovateli" [Kunta-haji Kishiev, his sermon and followers], *Sheikh, ustaz, ovliia Kunta-khadzhi Kishiev*, s. 101–107. Nal'chik: Tetragraf.
- Albogachieva M. S.-G. (2018) "Zhenskies sufiiskie praktiki gromkogo zikra v Ingushetii" [Women's Sufi practices of loud zikra in Ingushetia], *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty* 14(2): 149–164.
- Albogachieva, M. (2021) "Sovremennye sufiiskie praktiki ingushskikh zhenshchin" [Modern Sufi practices of Ingush women], *Kavkaz: perekrestok kul'tur. Vyp. 3*, s. 174–194. SPb.: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN.
- Albogachieva, M. S.-G. (2015) "Ziiaraty i kul'tovye sooruzheniia v Ingushetii" [Ziyaraty and religious buildings in Ingushetia], *Kazanskoe islamovedenie* 1: 149–160.
- Albogachieva, M. S.-G. (2017) *Islam v Ingushetii: etnografiia i istoriko-kul'turnye aspekty* [Islam in Ingushetia: ethnography and historical and cultural aspects]. SPb.: MAE RAN.
- Alikberov, A. K. (2003) *Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufiiskaia entsiklopediia "Raikhan al-khaka'ik" (XI–XII veka)* [Era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and ego Sufi encyclopedia "Raihan al-hakaik" (11th–12th centuries)]. M.: Vostochnaia literature.
- Arberry, A. J. (1970) *Sufism: An Account of the Mystics of Islam*. New York: Evanston: Harper & Row.
- Bobrovnikov, V. (2003) "Shariatskie sudy na Severnom Kavkaze" [Sharia courts in the North Caucasus], *Otechestvennye zapiski* 5(13): 65–69.
- Chittick, W. C. (1998) *The Self-Disclosure of God (Principles of Ibn al-Arabi's Cosmology)*. Albany: State University of New York Press.
- Corbin, H. (1969) *Creative Imagination in the Sufism of Ibn 'Arabi*. Princeton University Press.
- Dalgat, B. K. (2008) *Rodovoi byt i obychnoe pravo chechentsev i ingushei. Issledovaniia i materialy 1892–1894 gg.* [Family life and customary law of Chechens and Ingush. Research and materials 1892–1894]. M.: IMLI RAN.
- Garsaev, L. M., Garasaev, Kh.-A. M. (2022) "K voprosu o roli i meste vainakhskoi zhenshchiny v sufiiskom bratstve Kunta-khadzhi — Chechnia (nekotorye aspekty)" [On the question of the role and place of the Vainakh woman in the Sufi brotherhood of Kunta Haji — Chechnya (some aspects)], *Religiia, religioznye organizatsii, strategii i praktiki deradikalizatsii: gendernyi aspekt: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 24–25 iunია 2022 goda*, s. 34–39. Makhachkala: ALEF.
- Garsaev L. M. (2012) "Rol' i mesto vainakhskoi zhenshchiny v sufiiskom bratstve Kunta-Khadzhi — Chechnia (nekotorye aspekty)" [The Role and Place of a Vainakh Woman in the Sufi Brotherhood of Kunta Hajji — Chechnya (Some Aspects)], *Refleksii* 2–6: 7–9.
- Khismatulin, A. A. (2003) *Sufizm* [Sufism]. SPb.: Azbuka klassika: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Khizrieva, G. (2009) "Virdovye bratstva na Severo-Vostochnom Kavkaze kak set-religioznykh praktik" [Vird fraternities in the Northeast Caucasus as a network of

- religious practices], *Sufizm kak sotsial'naiia sistema v Rossiiskoi umme* [<http://www.idmedina.ru/books/school-book/?593>, dostup ot 26.10.2023].
- Khizrieva, G. A., Sultygov, A. L.-A. (2005) "Zhenskoe religioznoe obrazovanie u sufiev vainakhov" [Female religious education among the Vainakh Sufis], *Religiovedenie* 2: 43–48.
- Knysh, A. D. (2016) "Sufizm" [Sufism], *Sotsial'noe partnerstvo*, s. 462–465. M.: Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia.
- Mutieva, O. S. (2022) "Religioznye praktiki zhenshchin v musul-manskikh obshchinakh Severnogo Kavkaza: istoriia i sovremennost'" [Religious Practices of Women in Muslim Communities of the North Caucasus: History and Modernity], *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2. Gumanitarnye nauki* 37(3): 7–14.
- Nasyrov, I. R. (2009) *Osnovaniia islamskogo mistitsizma (genezis i evoliutsiia)* [The foundations of Islamic mysticism (genesis and evolution).]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Prozorov, S. M. (2004) *Islam kak ideologicheskaia sistema* [Islam as an ideological system]. M.: Vost. lit. RAN.
- Rezvan, E. A. (1991) "Ziirat" [Zirarat], in *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'*, s. 77. M.: Nauka.
- Smirnov, A. V. (1987) *Velikii sheikh sufizma* [The great sheikh of Sufism]. M.: Nauka. Glav. redaksiia vostochnoi lit.
- Stepanians, M. T. (1990) *Filosofskie aspekty sufizma* [Philosophical aspects of Sufism]. M.: Nauka. Glav. redaksiia vostochnoi lit.
- Tutaeva, L. O. (2022) "Islamskie neofity v Ingushetii" [Islamic neophytes in Ingushetia], *Etnokul'turnoe prostranstvo Kavkaza v sisteme mezhetnicheskikh i mezhkonnessional'nykh kommunikatsii: sbornik nauchnykh statei*, s. 38–45. M.: MAKSS Press.
- Vachagaev, M. (2009) *Sheikhi i ziiraty Chechni* [Sheikhs and ziyarats of Chechens]. M.: Mozhaitskii poligrafkombinat.